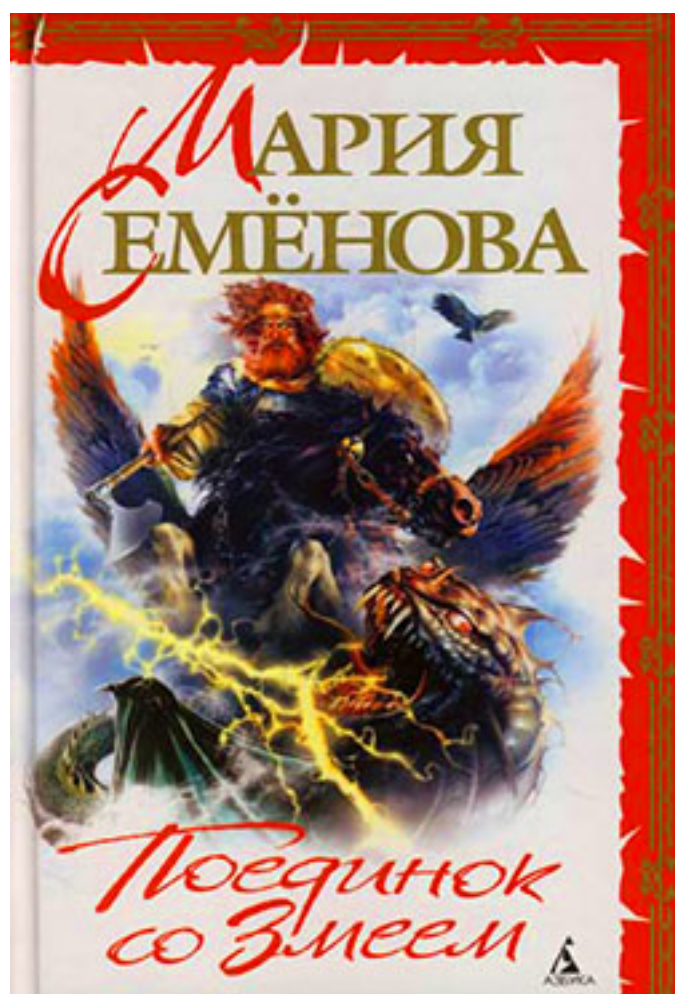

Мария Васильевна Семенова

Поединок со Змеем

Текст предоставлен издательством «Азбука»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136913

Поединок со Змеем: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2007

ISBN 978-5-91181-568-4

Аннотация

В увлекательной форме магического романа автор реконструирует славянский и скандинавский эпосы. И оживают древние русские боги, и поет в своей кузнице под рев пламени и шипение искр славный Кий, гремят Перуновы грозы, и строят свои козни Чернобог и Морана – повелители тьмы.

Содержание

В самом начале	4
Сыновья неба	6
Люди	8
Род и рожаницы	10
Ярила	12
Огонь очага	14
Беда	15
Кузнец Кий	18
Два волоска	21
Голос неба	23
Денница и месяц	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мария Семенова

Поединок со Змеем (славянские мифы)

У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах.

Д.С. Лихачев

В самом начале

В самом начале была только Великая Мать, и новорожденный мир лежал на её тёплых коленях, а может быть, у груди. Как звали Великую Мать? Наверное, Жива-Живана, ибо от неё пошла всякая жизнь. Но об этом никто теперь не расскажет. Наверняка её имя было слишком священно, чтобы произносить его вслух. Да и какой новорожденный зовёт мать по имени? Ма, Мама – и всё...

Когда юный мир немного окреп и возмógł сам за собой присмотреть, Великая Мать удалилась. Надо думать, её призывали иные миры, тоже ждавшие любви и заботы. По счастью, Боги и первые Люди ещё успели запомнить Великую Мать и её божественный лик: ясное чело, уходившее в надзвёздную вышину, очи, подобные двум ласковым солнцам, брови и волосы, схожие с добрыми летними облаками, льющими живую воду дождя. Она была нигде и везде, её лик был зрим отовсюду, а взор проникал в самые тайные уголки. Недаром и много веков спустя, когда Солнце было завещано совсем другому, юному Богу, его по-прежнему называли Всевидящим Оком. А символом Солнца сделали крест, обведенный кругом, – ради севера, юга, запада и востока, четырёх сторон белого света, куда Око устремляет свой взгляд.

А ещё Великая Мать посадила Великое Древо, с тем, чтобы оно обвило корнями исподние глубины Земли, а ветвями обняло запредельную высь Неба, связывая их воедино. И когда её воля исполнилась, в мире, похожем на большое яйцо, обособились и проснулись две сути: мужская – в Небе и женская – в Земле. Проснулись и удивлённо раскрыли глаза: тотчас вспыхнули тысячи звёзд и отразились в родниках и лесных озёрах... Земля и Небо ещё не ведали своего назначения, не знали, для чего рождены. Но потом увидели друг друга, одновременно потянулись друг к другу – и всё поняли, и не стали спрашивать ни о чём. Земля величаво вздымалась к Небу горами, стелила роскошную зелень лесов, открывала стыдливые ландыши во влажных ложбинах. Небо кутало Землю тёплой мглой облаков, проливалось тихим дождём, изумляло жгучими молниями. Ибо в те времена грозу не называли грозой, потому что её никто не боялся. Гроза была праздником свадьбы: золотые молнии возжигали новую жизнь, а гром звучал торжественным кличем, призывным кличем любви.

И что за весёлая, шумная, весенняя жизнь тогда хлопотала повсюду под ласковым взглядом Великой Матери Живы! Зимы, мертвящих морозов не было и в помине. Земля расцветала без страха, щедро дарила плоды и, чуть-чуть отдохнув, опять принималась за свой род, а с Мирового Древа, похожего на раскидистый дуб, слетали к ней семена всех деревьев и трав, соскакивали детёныши всех птиц и зверей.

А когда приходил срок какому-нибудь украшению леса, могучему ясеню или сосне – можно ли сказать, что они умирали? Окружённые молодой порослью, выпустившие тысячу побегов, они просто роняли старый, тронутый гнилью ствол, и он ложился в мягкие мхи, снова делался плодоносной землёй, а Жизнь – Жизнь никуда не исчезала...

Вот как Великая Мать уредила эту Вселенную, прежде чем удалиться.

Посередине, поддерживаемая Мировым Древом, раскинулась Земля, и её со всех сторон окружал Океан-море. С исподу легла Ночная Страна; переплыви Океан, как раз там и окажешься. Ночную Страну ещё называли Кромешной – то есть отдельной, опричной, особенной, не такой. А выше Земли начинались девять разных небес: самое ближнее – для туч и ветров, другое – для звёзд и луны, ещё одно – для Солнца. Днём Солнце плывёт над Землёй с востока на запад; потом переправляется через Океан и с запада на восток измеряет нижнее небо, светя в ночной, Исподней Стране. Поэтому и Солнечный Крест рисуют катящимся то в одну сторону, то в другую.

Седьмое же небо сделалось твердью, крепким прозрачным дном для неисчерпаемых хлябей живой небесной воды. Мировое Древо проросло его зелёной макушкой; и там, под раскинутыми ветвями, в хлябях небесных родился остров. Его назвали ирием – несокрушимой обителью Жизни, Света, Тепла. А ещё его называли островом Буяном – за плодоносное буйство Жизни, за то, что там стали жить прародители всякой твари: зверей, птиц, рыб, насекомых и змей. Недаром, зная, говорят познавшие счастье: как на седьмое небо попал!

Сыновья неба

У Неба с Землёю было три сына, три молодца: Дажьдбог, Перун и Огонь.

Сказывают, у Дажьдбога была величаява поступь и прямой взгляд, не знающий лжи. И ещё дивные волосы, солнечно-золотые, легко летящие по ветру. А у Перуна – иссиня-чёрные кудри, вечно взъерошенные, непокорные, клубящиеся, как туча. Спокойного величия брата не было даже в подобии – лихая, непогасимая удаль. А Огонь родился огненно-рыжим, выющиеся пряди торчали, как ни приглаживай. И только глаза у всех троих были одинаковые, синие-синие, как чистое небо в солнечный полдень, как промоина в чёрных грозовых тучах, как синяя, нестерпимая сердцевина костра.

Когда они возмужали, отец с матерью доверили Дажьдбогу величайшее из сокровищ: Солнце, сияющий золотой щит. Начал сын Неба возить чудесный щит на лёгкой колеснице, запряжённой четвёркой белоснежных коней, начал озарять красы и дивные дива Земли: поля и холмы, высокие дубравы и смолистые сосновые боры, широкие озёра, вольные реки, звонкие ручейки и весёлые родники-студенцы. Радовалась о сыне Земля, радовалось Солнцу всё дышащее: соловьи пели ему песни, цветы поворачивали головки вослед, а ящерицы и добрые змеи выползали погреться на валуны. Надобно молвить, все змеи в те времена были добрыми и безобидными, как теперешние ужи, и умели просить у Неба дождя, когда его не хватало. Всё тянулось к небесному страннику Дажьдбогу, всё под его взглядом цвело и плодоносило: недаром само его имя значило – Дающий Бог, Податель Всего.

Иногда Солнце опускалось вниз, посветить Исподней Стране. Тогда над Землёю смеркалось, и приходила Ночь, налетала, как птица с большими мягкими крыльями, отворяла на небе звёзды – живые глаза душ, ещё не родившихся в земных телах или, наоборот, уже вознёсшихся обратно в ирий.

На берегу Океан-моря, на самом западе, Дажьд-бога ждала добрая лодья и стаи птиц – лебедей, гусей, уток – готовых впрячься и переправить его вместе с конями в небо Исподней Страны. Там он пробегал свой ночной путь, и лодья, запряжённая птицами, вновь перевозила его через светлый утренний Океан. Вот почему, когда были созданы Люди, у них скоро появились обереги – голова конская, тело утиное. Люди верили, что Бог Солнца всегда выручит их из беды, где бы он ни был.

В те времена Дажьдбог кружил в небесах, как ему хотелось, в Нижнюю Страну заглядывал нечасто и ненадолго. Там не росло ничего, там не было красоты. Оттого ночи всегда были тёплыми и короткими, как теперь по весне.

Перуну тоже досталось сокровище по душе и по сердцу – сверкающая золотая секира. Только крепкой руки сына Неба слушался чудесный топор, только ему был он по могуче; недаром трижды по семь лет Земля-мать поила его своим молоком, возрос – сильнее не бывает. И когда принимался играть Перун топором, начинал подбрасывать и ловить его для потехи или размахивать над головой, радуясь собственной нерастроченной мощи, – то-то пылали, летя во все стороны, огненные снопы молний, то-то катился меж небесами весёлый, ликующий гром и целовали Землю струи доброго ливня! И всюду, куда били молнии, расцветали невиданные цветы, возгоралась новая жизнь. Секира Перуна была золотой от кончика древка до острия, не для боя – с кем драться, кому угрожать? Кто враг светлым Богам, сынам Неба и Земли?..

Перун ходил тогда в тонкой белой рубаше, скроенной из летнего облака. И крылатые жеребцы, мчавшие его в поднебесье, были белей лебединого пуха, белей морской пены и молока – храбрые кони с глазами, что драгоценные камни, с тёплым дыханием и золотистыми гривами.

И каких только забав не придумывал молодой Бог! Собирал облака в стадо и пас, точно коров, доил наземь дождём. Вот почему передовые тучи грозы посеячас ещё называют быками. ...А то представал пахарем, прятал коней в соху и вспахивал небесную пажить, разбрасывал всхожие семена... Или слал облака в полёт белыми лебедями, сам же примеривал сизые орлиные крылья, пускался вдогон, а верные кони летели вослед, и кто скорей поспевал – неведомо никому.

А порою, задумавшись, тихонько гладил и ласкал мягкое руно облаков и пальцами, способными дробить камни, неуверенно, робко лепил из них девичий стан и лицо. Но скоро смущался, развеивал собственное творение без остатка и снова мчался по небу, хмелея от бешеной скачки, и гром рассыпался из-под копыт жеребцов.

Говорят ещё, в те далёкие времена в чистых северных реках было дна не видать из-за раковин, корявых чашуль. Они не умели ходить и держали свои створки открытыми, надеясь, что в них попадёт какая-нибудь съедобная мелочь. Перуновы молнии пугали смиренных жительниц дна, и они при грозе поспешно захлопывались; но нередко бывало, что зарево молнии успевало проникнуть сквозь воду и отразиться в зрачках. Проморгавшись, чашуля обнаруживала в своих створках маленькую жемчужину. Вот почему эти раковины до сего дня так и называют – жемчужницами.

А братец Огонь поспевал, как умел, за старшими: где пожарче пригреет Дажьбогов солнечный луч – Огонь тут как тут, вертится любопытно. Где высечет искру Перунова золотая секира – там тотчас и его рыжая голова, увенчанная прозрачным дымком.

Люди

Молодечество кипело в крови у юных Богов, искало дела по силе. Затевали, случалось, Дажьбог и Перун скачку-забаву на весь день от утреннего Океана до самых закатных пределов. Мчался высоко в небе Солнце-Дажьбог, золотым огнём сиял его щит, вились гривы коней, мелькали спицы колёс. Летел в тучах Перун, когда верхом, когда в колеснице, – задорно гремел катящийся гром, звенели на ветру хвосты скакунов: где пометут ими – тотчас луг расцветёт, где скоком скакнут – озеро, либо колодезь, либо гремячий родник. Когда один, когда другой успевал первым к закату. То величественно-прекрасный Дажьбог в золотом плаще и расшитых одеждах, то Перун с его рыжей вздыбленной бородой, босоногий, с продранными локтями. И не сказано, чтобы хоть раз братья поссорились. А следом прибежал запыхавшийся Огонь.

И вот как-то Дажьбог и Перун уселись на ласковые колени Земли и придумали меряться: кто скорее докинёт рыжего братца до того трухлявого влажного пня, Солнце своим палящим лучом или Гроза рдеющей молнией. Позвали Огонь, а он и не откликается. Наконец сыскали мальчика. Взял он, оказывается, звонкую радугу – тугой лук брата Перуна, – обвил льняной тетивой деревяшку, вложил острым концом в пустой сучок на другой – и знай себе крутит. И уже кудрявый дымок завивается там, где дерево касается дерева.

– Горячо, – потрогал и удивился Дажьбог.

– Дай-ка мне, – сказал Перун.

В его сильных руках дело быстро пошло. И вот уж Огонь глянул на братьев из щели между поленцами, едва не сжёг тетиву. И тут капля пота упала со лба Перуна прямо на деревяшки, и показалось, будто они сонно шевельнулись в руках...

– Самое первое пламя, – сказал задумчиво Дажьбог, – возгорелось между нашими Матерью и Отцом, когда они полюбили друг друга. Из того пламени мы все родились, оно сияет и в Солнце.

– Из него же все мои молнии, недаром в них жизнь, – ответил Перун.

И тут уж они не стали тягаться, кому первая честь: разом вскинули ясный щит и золотую секиру, в два голоса вымолвили заклятие, и двойное сияние на миг ослепило даже их, Богов. А потом увидели братья, как разогнулись два корявых сучка, становясь двумя стройными нагими телами, зашевелились, раскинули руки, впервые вздохнули, потягиваясь и просыпаясь, медленно раскрыли глаза...

– Мужчина и Женщина, – сказал тихо Огонь. – Какие красивые!

– И как похожи на нас, – добавил Дажьбог. – Это не звери, не птицы, не рыбы... назовём их Людьми.

А Перун притянул к себе меньшого братца, широкой ладонью пригладил огненные вихры:

– Пора и тебе приниматься за дело. Дажьбог – всему миру светлое око. Я лью дожди и затепливаю жизни. А ты стань самым главным для этих двоих. Будь им Огнём Любви, Святым Огнём Очага. Гори между ними, пока стоит этот мир.

На том порешили, и рыжекудрый остался с Мужчиной и Женщиной, изумлённо глядевшими друг на друга... А Перун и Дажьбог снова поспешили на Небо, к своим застоявшимся скакунам: не дело замирать Солнцу, негоже клокотать на одном месте могучей грозе. Но говорят, Перун потом пробовал, не получится ли с чем-нибудь ещё, как с деревяшками. И один раз повезло: попался в руки кусочек кости Земли, желвак бурого кремня. Мигот треснул крепкий камень в пальцах Бога Грозы, вылетела искра, явился быстрый Огонь. От тех половинок кремнёвого желвака тоже повелся род Людей, и они даже числят себя старше древесных, ведь камни старше деревьев. Два племени частью смешались, слились, как дерево

и валун, прижавшиеся друг к другу. Но в иных слишком прочно засело родство с камнями и скалами, и так появились первые Великаны. Вот почему иногда бают, будто в прежние времена Люди были куда больше и сильнее теперешних, а о рослом да крепком поныне скажут: ишь вымахал великан!

А те, чьё племя пошло от дерева, до сих пор возводят себя кто к сосне, кто к дубу, кто к белой берёзе. Бывает, слабых детей несут в лес, расщепляют крепкий ствол и трижды проносят ребёнка в рану насквозь:

– Забери, деревце, немочь, поделись статью и силой!

Потом стягивают расщеп, и выздоровевший всю жизнь заботится об избавителе, советуется с ним, ухаживает, поливает. А старцы на склоне дней, случается, просят светлых Богов превратить их в деревья, и те не отказывают, коль заслужил человек. Оттого слывут иные деревья праведными: подле них оставляют Людей недуги, возвращается душевный покой.

Род и рожаницы

И вот ещё какое диво посчастливилось увидеть юному миру. Земля и Небо так сильно любили друг друга, что их любовь ожила как отдельное существо – и тоже, подобно им самим некогда, тотчас распалось надвое, на Любовь Женскую и Мужскую, ибо одной недостаточно – любящих всегда двое.

Бог Род, Мужская Любовь, стал даровать приплод и потомство всем дышащим тварям, и Люди скоро выучились его почитать: стали делать изображения и вкладывать в свадебные задравные чаши, на счастье и многочадие новой семье. Это Род, говорили, выращивает деревья, это он грудами мечет с небес кремнёвые камешки, из которых рождаются упорные и сильные Люди. Это он – Свет Небесный, без которого Солнце плыло бы одиноко, как звезда в черноте. И сколько всего нареклось его именем – не перечить: урожай, народ, родина, роды...

Богиня Лада стала Женской Любовью. По ней прозвались мудрые жёны, умеющие сладить семью, завести в доме лад. Великой Богине была по душе верная супружеская любовь, и мужья с жёнами величали друг друга почти её именем:

– Лада! Ладо моё!..

Помолвку тогда называли – ладами, свадебный сговор – ладинами, девичье гадание о женихе – ладуваньем. И, говорят, Люди слыхом не слыхивали, чтобы кто-то брал в жёны немилую либо насильничал, тащил девку замуж за постылого, за нелюбого, за неровню...

Великая Лада – Дедис-Лада, Дид-Лада, как звал её один народ, возникший из кремня, – нипочём не простила бы подобного святотатства...

Она объезжала засеянные поля в зелёной одежде, благословляя будущий урожай, и шёрстка её коня отливала спелым золотом, как налитой колос. А мужчины и женщины, держа за руки, шли вслед за нею в поля, где можно обняться вдали от чужих глаз. Люди ведали: их любовь даёт добрую силу хлебному полю. А поле отдаривало Людей голубыми цветами и обещало вернуть посеянное сторицей. Говорят, будто жито росло тогда стоколосым – по сотне тугих, тяжёлых колосьев на каждом стебле!

Ладу ещё называли Рожаницей, в честь родящего поля и молодых матерей, которых она незримо обвивала своим поясом, помогая разрешиться от бремени. Собственных сыновей у Лады было двенадцать – по числу месяцев года, по числу великих созвездий, что предрекают судьбу-нарок всему сущему на Земле. Недаром спрашивают доньне:

– Под какой звездой был зачат? А под какой родился?

Звёзды, братья-Месяцы и сама Рожаница Лада дают каждому человеку Долю – или Встречу, как её ещё называют, – маленькое Божество, которое следует за хозяином до могилы, трудится и хлопочет, помогает ему. Доли у всех разные, смотря по тому, какая звезда верховодила на небосклоне. И до сих пор случается – один человек всю жизнь палец о палец не стукнет, гуляет себе, на бел свет зевает, и всё равно: что Людям тын да помеха, ему смех да потеха, вечно у него по два сома в одной верше, по два гриба в ложке. А иной до рассвета уже в трудах и поту, на вешней пахоте шапка с головы свалится – не оторвётся поднять, а всё – корка на корке, ни пышки, ни мякиша. Это оттого, что у одного Доля умница да работница, у другого – лежебока-лентяйка. В сердцах ругнётся несчастный:

– Знать, сиротской ночью я появился на свет!

Что тут добавить? Нельзя наново родиться, переменить ту льняную нить, пряденую нитку Судьбы, которой повили когда-то пуповину младенца, накрепко привязав его к Доле...

Много тех, кто, отчаявшись, живёт как придётся и больше не пробует что-нибудь изменить. Но ещё больше иных, не скоро сдающихся, кто однажды поймал свою нерадивую Долю

за шиворот и запер в погреб, чтобы не мешала. А то, оттрепав за уши, вразумил косорукую тонко прясть и мелко молоть, заставил лежебоку вскакивать до свету и не жалеть плеч!

...А ещё у великой Лады, у Матери Лады, была юная дочь. Звали её просто Доченька – Леля, Лелюшка, Полелюшка. Недаром любимое детище до сих пор не просто растят – лелеют, колыбель зовут люлькой, а само дитя нет-нет да покличут нежно лялечкой. И ласка, и оберег именем прекрасной Богини.

Подросла Леля и стала гулять по лугам, по густым тенистым лесам, и шелковая мурава сама лгнула ей под ноги, чтобы распрямиться ещё зеленее и гуще. А минуло время – начала Леля вместе с матерью обходить и объезжать поля, тянуть за зелёные ушки едва проклюнувшиеся всходы, и Люди увидели, что никогда прежде не было на Земле таких урожаев. Стали они славить Лелю наравне с матерью и чтить как Рожаницу, называть Весной-кормилицей. У Лады стали просить разрешения закликать-зазывать в гости Весну, а когда Мать позволяла – готовили Дочери дерновую скамью, проросшую травами, ставили подношения: хлеб, сыр, молоко. Это был девичий праздник, мужчин, любопытных парней близко не подпускали. Жгли в честь Матери с Дочерью огромный костёр, окружённый двенадцатью другими, поменьше, в честь Месяцев, и с пеплом того костра смешивали семена, умывали им лица, давали больным. И никто, говорили, не помнил, чтобы не помогло.

А охотники баяли вот что:

– Зверь, позволивший забрать у себя пушистую шкуру и горячую плоть, тотчас уходит на небо, в светлый ирий, и там рассказывает старшему в своём роду, по чести ли с ним поступили. Не оскорбили ли напрасным мучением, повинились ли перед вылетевшей душой, хорошо ли благодарили. И если всё совершилось по Правде земной – Мать с Дочерью скоро шьют зверю новую шубу, мастерят птице пёстрый наряд, облачают рыбу радужной чешуёй. Позволяют опять родиться в глубокой норе, в тёплом гнезде, на речном дне, под широким солнечным Небом...

Вот почему и самих Рожаниц рисуют порой в виде двух красавиц лосих.

Ярила

Однажды Люди встретили в только что засеянном поле босоногого, очень красивого юношу-Бога верхом на белом коне, украшенном колокольцами, в белом плаще и венке из трав и цветов. В левой руке он держал пучок спелых колосьев, конь же под ним так и играл, а порой поднимал голову и ржал громко, призывно, высматривая молодых кобылиц.

– Ишь ты! – удивились Люди коню и ещё пуще юному седоку. – Куда ступит ногою, там жито копною, куда взглянет, там колос зацветает!

Действительно, именно так всё и было. Потом Люди присмотрелись:

– Э, а что это у тебя в правой руке? Никак череп?.. Вот страх-то!.. Да кто ты таков?..

Юный Бог назвался Ярилой – неудержимой силой взошедших семян и нежных побегов, способных взломать тяжёлые камни, ярой силой живой плоти, вдохновением сбывшейся любви. Это его имя трубят олени в лесу, угрожая соперникам и зовя к себе оленух, это его громко славят лебеди, мчась к родному гнездовью. Яровой, ярый, яркий и яростный – это тоже о нём, возникшем из солнечного жара и земного тепла.

– А для чего ж тебе череп? – спросили любопытные Люди.

– Сами поймёте, – улыбнулся юноша и поскакал себе прочь, а Людям помстилось, будто за время короткого разговора его мальчишеский, ломавшийся голос окреп по-мужски.

Другой раз его встретили несколькими днями попозже. И вновь удивились: ехал на коне уже не безбородый юнец – взрослый парень, сажень в плечах, золотые кудри что хмель. Девчонки тогда оглянулись тайком на ребят, и те вдруг показались им похожими на Ярилу. Такие же статные, такие же ярые на работу, на пляску и на поцелуи. Женихи!

Спустя время Ярила приехал зрелым мужчиной, уже чуть-чуть никнувшим, уже с сединою в полбороды... и наконец – дряхлым старинушкой с погасшими глазами и сердцем, с трясущимися руками, не сохранившими даже памяти о былой силе. И конь под ним еле ноги переставлял.

– Похороните меня в Земле, – прошептал старец-Ярила и повалился на руки Людям, рассыпаясь в прах на лету.

Люди выполнили его просьбу. Погребли во влажной земле, напекли румяных блинов, собрались помянуть. Но отчего-то никому не хотелось плакать и горевать на этих похоронах; старики и те знай по-молодому шутили, расправляли согбенные плечи, а молодёжь и вовсе играла, точно на свадьбе. Плясали, подначивали друг дружку, соперничали, кое-где вставляли грудь в грудь. И вдруг не то из огня костров, не то из самой Земли послышался знакомый юношеский голос:

– Чему удивляетесь, Люди? Вы хороните в землю зерно, но разве оно умирает? Оно прорастает высоким стеблем и даёт новые семена. Нет смерти, пока рождаются дети, пока не прерывается род! Я снова приду по весне ярить всё живое на свете. Да не погаснет ярое пламя, да не переведётся Жизнь на Земле!

...Всякий год с той поры встречают и провожают Ярилу, и никто не думает плакать, развеивая его тело по полю. Заплакали бы, если бы однажды не довелось его хоронить. И вот ещё что заповедал Людям Ярила. Велел, чтобы в память о нём сеяли жито-хлеб одни только мужчины, не подпуская женщин и близко. Чтобы нагими вступали на тёплую, ждущую пашню, чтобы выносили семя-зерно в особых мешках, скроенных из старых портов. Тогда совершится меж ними и полем священный, таинственный брак, совсем такой, как между Землёю и Небом в самом начале времён. И молнии Перуна скрепили этот завет.

Вот почему хлеб священен, вот почему, спасая его от пожара, Люди по сей день не жалеют собственной жизни, словно защищая дитя.

Всё благое, что ныне делают Люди, уже было впервые сделано кем-нибудь из Богов на рассвете Вселенной. Всё, что сквозь поколения пришло к нам от пращуров, было дано пращурам самими Богами. Этим заветом мир держится, им он крепок, вечен и свят. Вот почему так недоверчивы Люди ко всему вновь обретённому – вплоть до новой формы горшка. Вот почему во все века корят старые молодых:

– Не отеческим законом живёте! Не по-Божески!..

Но и Богам следует помнить: всё, что они совершают, потом повторяется у Людей. Доброе и дурное, правое и неправое.

Однако тогда в мире ещё не было неправды и зла...

Огонь очага

Рыжекудрый Огонь между тем исполнил наказ старших братьев-Богов: стал для Мужчины и Женщины, для всего их рода святым огнём очага. Вокруг него собиралась семья, и он гнал прочь тьму ночи и жадных, хищных зверей. Он варил и пёк пищу, и Люди, садясь к трапезе, не забывали попотчевать свой Огонь. Всякий гость, обогревшийся у очага, причастившийся еды, становился за своего, никто не смел обидеть его, прогнать из-под крова. А когда Люди ссорились, при Огне невозможно было молвить бранного или нескромного слова:

– Сказать бы тебе... да очаг в доме, нельзя!

Люди поняли: этот Огонь не должен угаснуть. Переходя в новый дом, его непременно брали с собой. Так доставался он внукам от дедов и был не простым пламенем, суевающимся в расколотых дровах. Ему показывали новорожденных, чтобы Огонь узнал новую душу и не отказался беречь и холить дитя. Свахи протягивали ладони к Огню, прося его покровительства. Невеста, входя к мужу в дом, первым долгом кланялась очагу и бросала в него три своих волоска. А когда доводилось идти назад с похорон, все старались без промедления заглянуть в хлебную квашню и коснуться рукой очага. Так очищались от прикосновения смерти, не пускали беду через порог.

В начале времён Люди мыслили свои души подобными душам птиц, рыб и зверей. Ощувив, что жизнь на излёте, начинал гадать человек:

– Кем предстоит мне родиться? Оленем, вепрем, малым воробушком, юркой уклеей?

Тогда умерших хоронили в земле и клали набок свернувшимся, как дитя в материнской утробе. Верили Люди: Земля всех родила, она подарит новую жизнь. Позже открылись деяния славных Богов, забрезжило таинство Неба. Стали Люди поручать мёртвых Огню, да не простому – добытому, как когда-то огонь человеческой жизни, из двух трущихся деревяшек. Его так и называли – живым. Теперь Люди не удивлялись глазам Неба, горящим огням звёзд. Это были глаза умерших дедов и прадедов, приглядывающих за роднёй.

Бедa

Поистине то было счастливое утро Богов и Людей. Ещё не восстало меж ними неодолимых стен, не легло великих обид и неправд, и небеса стояли открытыми, слушая людские молитвы. Стоило женщинам в жаркие дни совершить чародейство – воздеть над головами чары с водой, призывая замешкавшийся дождь, или полить кормилицу-Землю из двойных кубков без донца – тут как тут на резвых конях являлся Перун, пригонял облачные стада, раскатисто хлопал громовым бичом, щедро доил своих коров на поля.

Но вот пришёл срок одному созвездию передавать главенство другому. Ни Боги, ни Люди не знали ещё, как опасно это сумежное, ничейное время, время-безвременье, когда всякое чудо возможно – и доброе, и дурное.

Однажды Солнце-Дажьбог с братом Перуном вместе путешествовали в Исподней Стране, оставив Землю наслаждаться ночным покоем. И вот тут из-за края Вселенной, из немыслимых чужедальних миров явила себя тёмная звезда без лучей, с длинным кровавым хвостом. Ярко вспыхнула – и прынула вниз!

Не иначе, насмерть сразила бы крепко спавшую Землю – муж-Небо поспел на подмогу: заслонил любимую, закрыл собой, принял жестокий удар. Но совсем отвести беду не сумел. Над всей Землёй пронеслось хвостатое чудище, сжигая леса страшным, невиданным доселе пожаром, и наконец грянуло оземь где-то у дальнего края, больно ударило, обожгло, и Мировое Древо со стоном вздрогнуло от корней до макушки, высящейся над светлым ирием...

...Братья-Боги едва не загнали борзых коней, летя на восточный край Океана. Когда же пересекла его лодья, влекомая белыми лебедями, и крылатые жеребцы снова взвились – Дажьбог в ужасе закрыл руками лицо и ещё много дней не смел глянуть вниз светло и ясно, как прежде. Ибо поперёк всей Земли протянулась обезображенная, мёртвая полоса, и там в чёрном дыму метался перепуганный, ничего не понимающий Огонь. А из ран Неба потоками хлестала наземь вода, затопляя низины, губя и смывая всё, что уцелело в пожаре...

Молодые Боги раздумывали недолго: кинулись спасать мать и отца. Спасать свой мир, покуда он снова не стал бесформенным комком, каким был до рождения. Перевязывали раны Неба белыми полосами облаков, влажными пеленами туманов. Успокаивали Огонь. Зажигали радугу над немногими выжившими Людьми, указывали дорогу к спасению...

Братья-Боги совсем не заглядывали в ирий и ведать не ведали, какая тревога поселилась в доме Матери Лады. Когда упала чужая звезда, юная Богиня Весны была внизу, на Земле. И не вернулась домой ни поутру, ни после. Птицы, вестницы Лады, не сумели найти Бога Грозы в густых тучах гари и пыли, носившихся меж Землёю и Небом. Но, видно, так уж была когда-то выпрядена для самого Перуна льняная нитка судьбы. Летя на взмыленных жеребцах над потоком, он разглядел далеко внизу, под собою, среди вздувшихся волн, почти залитый островок. А на островке – девушку в знакомом светло-зелёном наряде и жмущихся подле неё осиротелых лесных малышей: волчат, оленят, малых птенчиков из размётанных гнёзд. Конечно, Богиня бросить их не могла.

Сын Неба направил коней вниз, к самой воде:

– А ну, живей ползайте!

И сам поднял на колесницу заплаканную, перемазанную Богиню Весны. И вот диво: лишь только взмахнули крылами могучие скакуны, Леля вытерла слёзы, отряхнула волосы и рубаху – и вмиг осыпалась грязь и улетела по ветру, а растрёпанная коса легла шелковиночка к шелковиночке. Вот с тех пор и ведётся: весною – ведро воды, ложка грязи. А осенью наоборот: воды – ложка, грязи – ведро...

Улыбнулась Леля – и Дажьбог послал в ответ тонкий солнечный луч, разрубил, как мечом, клубившуюся мглу... и тоже, видно, поверил, что будет всё хорошо.

Бог Грозы привёл колесницу в ирий и с рук на руки передал дочку Матери Ладе. А лесных малышей выпустил в густую траву, на ветви всегда зелёного Древа:

– Играйте-ка здесь... ещё вам не время рождаться.

И наконец братья смогли перевести дух, вытереть пот, разогнать смрадные тучи. Посмотреть, что же осталось.

Вот тогда и увидели у дальней кромки Земли горы, которых не было раньше, горы, похожие издали на чудовищные облака. Крепко вплавились они в тело Земли, вросли – захоти, не поднимешь, не выбросишь из Вселенной, не ранив опять. Осторожно направили Боги к тем горам своих скакунов... Оказалось, горы были железными. Раскалённые, они успели остыть, и острые вершины дышали нездешним чёрным морозом, сбережённым где-то внутри, на глазах обрастали снегом и льдом. Никогда прежде молодые Боги не видавали подобного... Хорошо ещё, большая часть этих гор провалилась вниз, за край Исподней Страны, от века безжизненной, и лишь один безобразный хребет осквернял собой лик зелёной Земли. Увидели Боги: всё живое пятилось от Железных Гор, всё бежало от мертвящего холода – леса, реки, травы, цветы...

– Неладно это, – нахмурил брови Дажьбог.

Они осторожно объехали Железные Горы и в одной глубокой пропасти обнаружили путь сквозь Землю, до самого Нижнего Мира. Брошенный камень летел бы туда двенадцать дней и ночей, но сверкающие колесницы, конечно, были проворней. Скоро братья оказались в Исподней Стране, впервые миновав западный Океан-море и лодью, запряжённую птицами. И когда Дажьбог поднял огненный щит, озаряя половину Вселенной, – они тотчас увидели два существа, отчаянно заслонявшихся от света, мужчину и женщину, похожих больше на жуткие сны, чем на Людей или на Богов...

Говорят, тогда-то Перуну в самый первый раз захотелось взмахом секиры не возжечь жизнь, а истребить.

– Это вы посмели обидеть Небо и Землю?!.. – прогремел разгневанный Бог Грозы, подлетая на крылатых бурях-конях. Мужчина и женщина повалились перед ним на колени, трусливо прячась друг за друга:

– Пощади! Пожалей!..

И Перун остановил жеребцов, опустил руку с занесённым топором. Он ещё не выучился быть беспощадным и разить, когда встают на колени.

– Вы кто таковы? – спросил он незнакомцев. Женщина указала на мужчину:

– Его прозывают Чернобогом...

Он вправду был весь точно в саже, только усы будто заиндевелые. Он кивнул на подружку:

– А её кличут Мораной.

Перуну показалось в диковинку, чтобы кто-то не мог назвать сам своё имя, но пришлых Богов его недоумение перепугало до дрожи:

– Никогда не говори: я такой-то, если не хочешь беды! Мало ли кто подслушает и сглазит тебя, порчей испортит!

– Порча? – спросил Перун. – Что это такое?..

А про себя почти с жалостью рассудил: должно быть, эти двое спаслись из какого-то очень страшного мира, отвыкшего от доверия и добра. И Дажьбог, милуя странников, усмирил своё пламя, прикрыл огненный светоч краем плаща.

Чернобог и Морана выглядели не только напуганными, но и голодными, и братья поделились с ними едой.

– Нашего отца, – рассказал им Дажьбог, – называют Сварогом, то есть попросту Небом, или по-другому Стрибогом, это значит Отцом-Богом. Оттого Люди своих дядьёв по

отцу зовут ещё стрями. А мать, Землю, рекут Макошью – Матерью судеб, Матерью снятого урожая. От неё всё богатство – и зерно в коше, и серебро в кошеле, и овцы в кошаре...

Пришлые Боги слушали, уплетая разделенное угощение, кивали головами, мотали на ус. Расстались не то чтобы друзьями, но всё-таки поклялись не чинить друг другу беды. Дажьбог поклялся щитом, а Перун – верной секирой:

– Пускай она выпадет из руки, если я нарушу обет.

Знать бы ещё братьям Сварожичам, что все клятвы Мораны и Чернобога стоили не больше горсточка снега, тающего, если сжать его в кулаке.

И снова минуло время, и оправившаяся Земля не раз ещё принесла урожай, и всё было мирно и тихо. Только Дажьбог рассказывал дивные дива об Кромешной Стране, где позволили поселиться пришлым Богам. Там стоял теперь такой лютый мороз, что случайно влетевшие облака тотчас опадали наземь белыми хлопьями, и даже Океан-море покрылся вдоль берега льдом. Однажды Перун отправился с братом – взглянуть, правду ли говорит. И оказалось, что правду: пришлось Богу Грозы сверху лёгкой белой рубахи вздевать мохнатую серую безрукавку. Здесь не к месту был его гром: безмолвная, мёртвая, белая гладь расстилалась внизу. Дажьбогу тоже всякий раз делалось не по себе, хоть с недавних пор и завёл он обычай заглядывать сюда каждые сутки ради присмотра.

Он старался скорей миновать неприятное небо, не выезжал высоко...

– Никогда мне здесь не нравилось, а теперь и подавно, – молвил он брату. – Всё кажется – не к добру!

Но тому легла на ладонь игольчатая снежинка, тоненькое колёсико о шести тающих спицах:

– Смотри! Она похожа на знак, которым призывают меня Люди, – знак Неба и Белого Света, громовое колесо!

И не видели братья пристальных глаз, устремлённых, как копья, им в спину из глубокой пещеры в Железных Горах, не слышали шёпота Чернобога, шёпота ночной ведьмы Мораны:

– Век не видеть бы вашего Белого Света, не слышать вашего смеха! Вот уж вам, удалцы!..

Кузнец Кий

Бог Грозы стал навещать Богиню Весны, вновь гулявшую по зелёной Земле. Сказывают, сначала он очень смущался своего огромного роста, зычного голоса, гривы иссиня-чёрных волос и рыжей, вечно всклокоченной бороды. Но потом Люди заметили: куда первые жаворонки, вернувшиеся из ирия, туда и тёмная туча, рокочущая громами. Так вместе и странствовали по свету. А когда начинали наливаться плоды и Дочь уступала Матери заботы об урожае, вместе возвращались на небо, и громаы Перуна звучали всё неохотнее, постепенно смолкая – до новой весны. Вот почему праздник Перуна стали отмечать в двадцатый день месяца липня, по-теперешнему июля, когда цветут душистые липы и гудение пчёл часто смешивается с раскатами дальнего грома. Пчёлы хорошо знают, пройдёт гроза мимо или прольётся шумным дождём, знают, стоит ли спешить прочь, прятаться в родное дупло.

В те давние времена каждый год из лесу в Перунов день выбегали олени и могучие, длиннорogie туры и сами отдавали себя под жертвенные ножи. Влагу их крови Люди изливали в круглые каменные алтари, утверждённые перед изваяниями Перуна, а мясо варили и ели всем родом на священном пиру. И каждый, зачерпнув в свой черёд из котла, клал ложку наземь чашечкой вверх – затем, чтобы между пирующими незримо угостился и Бог.

Однажды, идя по лесу вместе с Богиней Весны, Бог Грозы нечаянно встретил двоих Людей: парнишку-подросточка и с ним кудрявую девочку в детской рубашонке.

Парень поклонился Перуну низко, почтительно, но безо всякого страха. А девчушка, спрятавшаяся было за его спиной, бочком подошла к Леле и робко протянула ей перепечу, сотворённую в образ птахи из сладкого, на меду, пряного теста. Богиня Весны с улыбкой взяла приношение, и в её руках птаха немедленно ожила, звонким жаворонком взвилась в небеса.

– Как звать тебя? – спросил Перун паренька. Тот отмолвил:

– Отец зовёт Кием – Молоточком.

Он, видно, вправду был рукодел: ещё первый пух не проклюнулся над верхней губой, а на ладонях уже твердели мозоли, и у пояса висел в ножнах хорошо отбитый, острый каменный нож. Ибо в те времена Люди всё делали из кости, камня и дерева: ножи, топоры и даже серпы, вставляя кусочки кремня в изогнутые корневища.

Перун кивнул на девочку:

– Сестрёнка твоя?

Парень залился отчаянной краской:

– Не... мы с ней поженимся... когда она подрастёт!

Бог Грозы повернулся к Леле и увидел на её щеках ответный румянец, ибо Отец Небо с Матерью Ладой уже сговаривались породниться. И он сказал:

– Что подарить тебе на счастье, жених? Чего желаешь, проси.

Кий оказался впрямь не из робких. Он шагнул вперёд и бережно прикоснулся к узорчатому, звонкому золоту чудесной секиры:

– Мне бы, господине, выучиться делать такие.

– Ну, молодец! – расхохотался Перун. – Да ты знаешь ли, какой это труд?

– Знаю, господине Сварожич, – ничуть не смутился Кий. Вытянул нож из хороших кожаных ножен и протянул честно, рукоятью вперёд: – Погляди, я сам его сделал.

Костяная рукоять завершалась искусно сработанной головкой красавицы лосихи. Перун вернул нож и поднял голову к Небу:

– Поможем ему, отец?

И Небо ответило. Прямо из синевы пала слепящая молния, клубок пламени ринулся в подставленную ладонь Бога Грозы. Кудрявая девочка, пискнув, вновь спряталась за безусого

жениха. А тот, проморгавшись, увидел в руках Перуна кузнечные клещи. Вишнёвый накал медленно покидал их, сменяясь серым блеском железа. Кий не сразу понял, что это такое, ведь кузнечного дела никогда прежде не было у Людей. Он знал только – сбылось чудо и осияло всю его жизнь, никогда уже она не потечёт, как допрежь.

Клещи остыли, и Перун протянул их парнишке:

– Поднимешь?

Тот закусил губы, натужился и с трудом, но удержал.

Богиня Весны поднесла Кию в ладонях воды, зачерпнутой из гремячего родника:

– Испей.

В воде мелькали, переливались радужные искры. Кий послушно выпил, снова взял клещи и легко взмахнул ими над головой, радуясь и дивясь нахлынувшей силе.

Вот почему и до сего дня по весне, во время первой грозы, многие спешат испить и умыться из родника, а всего лучше с золота или с серебра: тотчас прибывает от этого силы, здоровья и красоты...

Перун выучил Кия искать в земле рудные залежи, плавить красную медь, делать косы, ножи и колокольцы-ботала, чтобы не терялась скотина. А о железных клещах сказал так:

– Это тебе на потом.

Отец Кия сначала был очень недоволен делами сына, построившего на краю селения кузницу и днями напролёт пропадавшего в ней:

– И на что нужна твоя медь, одна зелень с неё! Деда наши палицами и камнем довольствовались, и нам хватит того. Бросай баловство, пора уже тебе брать мотыгу да в поле идти, хлеб сеять! Ишь вымахал дармоед! Я уж седой – до каких пор кормить-то тебя?

А тут ещё маленькая невеста повадилась лепить из податливой глины разные формочки и лить в них блестящую медь, начала дарить подружкам узорчатые запястья, витые колечки к налобным повязкам, маленькие перстеньки-жуковинья... Сором! Не девичье дело!

Но охотники вскорости поняли, что стрелы с медными и бронзовыми головками настигали зверя куда верней прежних, увенчанных кремнем и костью. Стали они приносить Кию пушистые шкурки, вкусное мясо. А взамен просили не только ножи да наконечники для копий и стрел, но и украшения жёнам и любимым невестам. А женщинам сразу приглянулись тонкие, острые иглы, легко пронзавшие холст и прочную кожу.

Не сеял Кий хлеба, не возделывал репища-огорода, а голоден не ходил. Нёс в дом хлеб, а часто и мясо для щей. Делался понемногу кормильцем семьи не плоше братьев, не плоше самого отца...

А потом было вот что. Как-то по весне шёл молодой кузнец мимо поля, которое Люди мотыжили, рыхлили под хлеб. Глянул Кий, какой пот струился с их лиц, с привычно согнутых спин... А за полем, на вольном лугу, паслись налитые праздной силою кони. Играли, носились, метали из-под копыт комья земли.

Люди приветствовали Кия, хвалили удобные мотыги, но он будто не слышал. Ему вдруг подумалось: а если того пустопляса-коня да заставить тянуть полем мотыгу? Большую мотыгу, по силушке? Сбоку привесить?... А ежели приспособить, чтобы не одним плечом, обоими налегал?

Дома Кий вылепил из глины конька и весь вечер так и эдак ладил к нему длинные палочки. Братья стали смеяться: потянул, мол, за девчонкой, игрушками занялся. Но утром над его кузницей за клубился густой дым. Любопытные парни, зашедшие глянуть, в чём дело, приставлены были раскачивать тугие меха. И когда наконец Кий вывел коня и запряг, сзади оказалась не повозка, не волокуша – острый рог, нацеленный в землю, и удобные рукояти для пахаря.

– Какая сохатая! – сказал кто-то, поглядев на окованный блестящей медью рог. Так и повелось с тех пор звать рогатую соху – сохой.

Послушный конь взмахивал хвостом и оглядывался, ожидая хозяйского слова. Старики сперва хмурились: не обидится ли Земля? Но вот отец Кия, помолясь, взялся за рукоятки и повёл самую первую борозду. И вдруг, сам того не заметив, уже сделал столько, над чем ещё вчера трудился бы до заката.

– Диво! – изумлённо ахнули Люди. А кто-то складно примолвил:

– У матушки сошки – золотые рожки!

С тех пор потянулась за Кием слава вещего мастера, любимого Богами умельца и чуть ли не вещуна. Стали поговаривать, будто мог молодой кузнец выковать не только вилы или топор, но даже и слово, даже судьбу, даже старость и хворь на здоровье перековать...

Два волоска

Вот что, к примеру, рассказывали про Кия. Будто однажды заехал к нему удалец по имени Вострогор, попросил наконецников к стрелам и ещё меч. Его род жил на севере, у самых Железных Гор, и там давно уже никому не было доброй судьбы. Слепой отец Вострогора сам благословил младшенького в дорогу, велел искать счастья на стороне. Подобных скитальцев год от году делалось больше. А меч был нужен затем, что Люди сделались разными, не обязательно добрыми, надо же уметь за себя постоять.

Войдя в кузницу Кия, Вострогор, как баяли, тотчас заметил под его молоточком два тонких волоса, серебряный и золотой. А заметив – больше не мог отвести глаз.

– Что такое куёшь? – поздоровавшись, спросил он умельца.

– Судьбу – кому на ком жениться, – отвечал будто бы Кий. Тогда Вострогор не удержал любопытства:

– Чью же ладишь теперь?

– Да вот твою как раз, – с усмешкою отмолвил кузнец. Затрепетало сердце в груди удалца, еле-еле осмелился выспросить о невесте, о своей суженой. И кузнец, глядя в вешее пламя, сказал ему так:

– Вижу твою невесту, живёт она у далёкого моря. С рождения лежит, бедная, в гноище, вся-то кожа в коросте, что в еловой коре...

Застонал Вострогор-удалец, обхватил руками буйную голову, едва на ногах устоял. Не спросил более ни о чём. Насилу дождался, пока сделает ему Кий обещанный меч и наточит как следует. Да с тем и уехал.

Долго ли странствовал, коротко ли... Ни к какому морю, понятно, старался и на сто вёрст не подъезжать, только от судьбы не ускачешь. Вывела его дороженька, тропка лесная, к самому берегу. Увидел он серые волны от окоёма до окоёма и лодку, вытащенную на песок. А под соснами – бревенчатую избушку, сети развешанные. Спрыгнул с коня Вострогор, постучался.

– Входи, добрый молодец, гостем будь, – отозвался милый девичий голос. Растворил удалец скрипучую дверь, стянул шапку с кудрей – кланяться Огню в очаге да добрым хозяевам... сам высматривает – где же девка-красавица, что с ним ласково говорила? – только нету девки-красавицы, лежит на лавке страшное страшило: лица в коростах не видно, всё тело что еловой корой обросло... тут и встали у храброго парня русые волосы дыбом, язык к нёбу присох. А девка и спрашивает:

– Не видал ли ты, молодец, где-нибудь моего суженого Вострогора? Скоро ли ко мне припожалует?

Ни слова не смог вымолвить удалец. Не боялся он ни медведей, ни свирепых волков, стаями рыскавших у Железных Гор, – а тут оплошал, струсил. Закрыв руками лицо, отвернулся...

– Стало быть, ты и есть мой жених? – сказала тихо девица. – Что ж, вижу, в обиду тебе жениться на такой жене, хворой да некрасивой. Не то что в уста целовать, глядеть даже не можешь. Убил бы уж, жених ласковый, затем что не быть нам с тобою поврозь, а и вместе, видно, не быть...

Будто вихрь завертел тогда Вострогора. Сам не ведал в отчаянии, что руки творили. Схватил свой тяжёлый, отточенный меч и ударил с размаха невесту прямо в открытую грудь. И кинулся бежать прочь, словно обронивши рассудок... Опамятовался неведомо где, в чёрном лесу, перемазанный, изодранный в кровь о колючие ветви. Открыл глаза – верный конь рядом стоит, губами мягкими трогает, жалеет хозяина. Сел на него Вострогор, заплакал и

поехал куда придётся, проклиная свою непутёвую Долю, пришедшую, зная, к его колыбели всё с тех же сумрачных гор...

Долго ещё странствовал молодой удалец. Ехал по заросшим холмам, где уходившее Солнце щедро золотило лесные макушки, а меж сосен наливалась багряным мёдом брусника. Ехал берегом тихих озёр, где безмятежно дремали белые кувшинки и плакучие ивы спускали зелёные косы к самой воде, к густым, тихо шепчущим тростникам... И думалось Вострогору – век вечный не позабудет он полные муки глаза страшила-невесты, век будет звучать в ушах тихий голос:

– Убил бы уж, жених ласковый...

Клял Вострогор свою трусость и, кажется, сам себя готов был убить, да вот незадача – меча-то с собою не прихватил, там же и бросил.

Но вот минуло время, и прошлое начало заплывать, зарастать, как покинутая могила, травой-быльём. Вышел Вострогор к Людям из лесу, речь человеческую припомнил помалу. А ещё погода надумал построить дом и жениться. Начал приискывать себе ровнюшку-невесту, непременно разумницу да красавицу.

Что ж, нашли ему добрые Люди душу-девицу. Сказывали, допрежь гнала она всех женихов, а тут засобиралась немедля. И только что увидал её Вострогор – в тот же миг влюбился без памяти, не стал даже выпытывать, умна ли. Честь честью сладили им свадебный пир, трижды обвели вокруг священной ракиты на берегу, вокруг свидетеля-Огня в очаге. Уложили в клетки держать опочив... обнял жену Вострогор, да тогда и заметил у ней на белой груди, как раз против сердца, маленький рубчик.

– Али не узнал, суженый? – засмеялась краса ненаглядная. – Больно быстро ты убежал тогда, не дождался, пока опадут коросты, корки еловые... Предал ты меня смерти, а хватило бы поцелуя. Довольно ли теперь хороша?

Тут и понял всё молодец, в самом деле спознал, что своей судьбы не минуешь. Кинулся на колени перед женой, взмолился простить...

Сказывают, до смертного часа помнил он о двух волосках, скованных на наковальне. А девки стали ходить к кузнецу:

– Скуй и мне свадебку, Кий!

Голос неба

Давно уже Земля оправилась от потопа, давно зажила рана Неба – остался лишь опалённый широкий след, по сию пору ясно видимый в звёздные ночи. Люди ещё называют его Млечным Путём и говорят, что этим путём идут праведные души в ирий. Казалось, всё стало, как прежде. Но из-за Железных Гор налетали холодные ветры, зловещие, настоянные на дурном колдовстве. И вот с чего началось.

Люди, всегда жившие в послушании Роду и Матери Ладе, стыдившиеся матерей, сестёр и невесток, пуще глаза хранившие честь чужих подруг и невест, – иные из этих самых Людей вдруг как позабыли, что есть на свете Любовь, предались мерзкому блуду, стали водить по несколько жён, посягать на любую девку и женщину, силой брать, какая понравится. Не отставали и жёны: бесстыдно искали объятий красивых мужчин, рожали детей, сами не ведая, от кого. Подрастали нелюбимые дети и становились такими же, как их горе-матери, горе-отцы...

Достигла слава о людском непотребстве слуха Богов.

Вспыльчивый Перун готов был нагромоздить тучи и новым потопом смыть дерзких с лика Земли, оставить разве что Кия и его род. Дажьбог-Солнце не хотел больше светить им, задумал совсем отвратить благое сияющее око прочь...

– Нет, – сказал Отец Небо, Сварог. – Стыд вам, сыновья! Гоже ли из-за горсточки блудодеев губить всех подряд? Надо установить им Закон. Дать Правду, чтобы знали, как жить. Чтобы держала боязнь, коли ума не хватает и совесть уснула. И карать тех, кому закон не закон. Я произнесу его им.

А надобно молвить – допрежь того дня Земля и Небо ни разу не говорили в полный голос с Людьми. Боялись напугать: слишком велики были оба, слишком могучи. Меньше всего хотелось Богам, чтобы кто-то боялся Земли под ногами и Неба над головой... оттого, если бывала нужда, они приходили в человеческом облике, Сварог – мужчиной, Земля-Макошь – женщиной, помощницей в женских работах. И вот теперь Небо впервые прове-стилось, и его слово слышали все, кто жил тогда на Земле.

– Люди! – пригнул вековые дубы, сорвал крыши с домов огромный голос гневного Неба. – Вам уставляю закон: единой жене идти за единого мужа, единому мужу водить единую жену! Тот не сын мне, кто осквернит себя блудом. Не светить ему – палить его станет Солнце, не греть – сжигать преступившего станет Огонь!

Люди в ужасе лежали ниц, правые и неправые. Никто не смел поднять головы. Это очень страшно, когда вдруг содрогается, уходит из-под ног надёжнейшее из надёжных – Земля. Страшней всемеро, когда отверзает уста Небо, вековечный молчальник.

– Больше не стану говорить им, как ныне, – отворотясь от не смеющих подняться Людей, уже не для их слуха горько молвил Сварог сыновьям. – Это ещё непотребней распутства. Что же за честь, коль её от бесчестия спасает только боязнь! А и мне наука: вижу теперь, на страхе далеко не уедешь...

Однако воротить сделанное не под силу даже Богам. И вот с тех-то пор пришёл к Людям страх. Страх перед Небом, ужас наказания за грехи. Стали Люди придерживать нескромные речи у очага не из одного уважения к святому Огню, но ещё из боязни: как бы не разгневался да не спалил всей избы, и ползли слухи – дескать, бывало. Начали класть богатые требы, замаливая содеянное... и тотчас всё повторять.

И, питаясь неправдой людской, понемногу крепили в Железных Горах Чернобог и злая Морана.

А Люди, задумавшие беззаконное дело, старались теперь совершить его ночью, когда уходит с неба Дажьбог, исчезает всевидящий огненный глаз. Ибо это ему, Солнцу, поручил

Отец Небо приглядывать за Людьми. Но вскорости оказалось, что и у самих Богов кривды не меньше...

Денница и месяц

Была у троих Сварожичей возлюбленная сестра – Денница, Утренняя Звезда. На исходе ночи, когда кони Солнца брали разбег и взвивались с восточного берега Океана, она всегда горела дольше других звёзд, приветствуя славного брата. Она первая проглядывала меж туч, когда стихала ночная гроза. А пришло время, сыскался деве-звезде справный жених – молодой Месяц.

Стал он гулять об руку с Денницей в утреннем небе, стал поезживать вместе с Дажьбогом на солнечной колеснице, а потом начал один смотреть вниз по ночам, покуда Дажьбог светил Исподней Стране.

– Только к Железным Горам близко не подъезжай, – строго наказал ему брат девы-звезды. – Странные Боги там поселились: со мной ласковы, с тобою – как ещё знать!

Ибо сыновья Неба не раз уже крепко задумывались, не те ли два скрюченные существа, поселившиеся в Нижнем Мире снег и мороз, оказались причиной злочестия в Людях. А Чернобог и Морана словно учуяли: радушнее некуда принимали троих могучих Сварожичей, когда те их навещали...

Молодой Месяц дал слово Дажьбогу и долго держал его, но один раз всё-таки не совладал с любопытством. Направил белых быков, возивших его колесницу, к Железным Горам. Мог ли он знать, что оттуда за ним давно уже зорко следили жадные очи!

Медленно проплывали внизу отточенные вершины, облитые молочным светом Месяца, языки снежников, бездонные пропасти и ущелья, окутанные непроглядной тьмой. Спустился Месяц пониже, ещё и нагнулся, высматривая: где-то здесь, сказывали ему, был тот знаменитый лаз в Нижний Мир, которым прошли некогда Дажьбог и Перун...

И внезапно из глубочайшей расщелины взвилось какое-то грязное покрывало, опутало склонившийся Месяц, помрачило его серебряную красоту! Забился он в испуге, но не стали слушаться ни руки, ни ноги, хотел звать на выручку – ан и голоса нет. Не простой – колдовской была та грязная пелена, а метнула её злая Морана, давно заприметившая красивого молодца, чужого любимого жениха...

Не дождалась милого Утренняя Звезда, кинулась за помощью к братьям. Переглянулись Сварожичи... и во весь скок пустили коней к Железным Горам. Сразу догадались, что виною всему было запретное любопытство.

Знакомым путём устремились Дажьбог и Перун в бездонную пропасть... а Люди, сидевшие по лесам, только видели, как гневно-алое Солнце садилось в чёрную, трепещущую молниями тучу, окутавшую ледяные вершины.

Глубоко под землёй нашли братья пещеру, всю выложенную сверкающей медью. Прошли, не оглядываясь. Вступили в другую, серебряную, усеянную дорогами камнями. И здесь никого. А третья пещера горела жарким золотом, и тут остановились Сварожичи. Увидели стол, весь залитый красным мёдом из опрокинутых кубков, заваленный поломанными, надкусанными пирогами, обглоданными косточками. Только-только отбушевал за тем столом разгульный, хмельной пир, разошлись гости, кого и под руки увели. Один Чернобог смотрел на братьев пустыми глазами, утопив в луже браги усы.

– Где Месяц? – грозно спросил хозяин огненного щита.

– Вот... свадебку справили, – икнул тёмный Бог, да и повалился под стол. Стали братья оглядываться и заметили низенькую дверь в уголке. Потянули – но дверь, зная, была заложена изнутри засовом. В четыре могучих руки выломали её Боги... и увидели Месяц, бесстыдно храпящий на ложе, а рядом – нисколько не испуганную Морану.

Умела коварная ведьма прикинуться ненаглядной красою: личико белей молока, губы что маки, волосы – небо ночное, только звёзд не видать. И лишь глаза, как две дыры. Глаза не обманывают, в них смотрит душа.

– Так-то ты любишь невесту, верный жених! – полыхнул Дажьбог небывалым огнём, схватив Месяц за плечи и встряхивая, чтобы проснулся. – Вставай, ответ будешь держать! Как Деннице в очи посмотришь?

– А ну её, гордую, – неверным языком пробормотал Месяц и потянулся обнять снова Морану. – Подумаешь, невеста. Как любил, так и разлюблю, а вас обоих знать вовсе не знаю!

...Вот когда в самый первый раз страшно прозвучал раскат Перунова грома! Взвилась золотая секира – да и рассекла надвое изменника-жениха...

Злая Морана схватилась было за левую половину, где сердце, поволокла, – братья-Боги не дали, отняли. Не сладко пришлось бы и ей, но успели они с Чернобогом обернуться двумя змеями и юркнуть в трещину железного камня – ни солнечному лучу, ни молнии не достать. Положили Сварожичи тело ясного Месяца в колесницу, увезли домой.

Денница едва не упала с неба от горя, увидев, что с ним приключилось. А когда опамтовалась, стала просить у отца живой и мёртвой воды. Все знают: мёртвая вода сращивает разъятые члены, изгоняет порчу и сглаз, убивает злой яд, впитавшийся в плоть. И только потом живой воде достоин смыть мёртвую, вернуть жизнь, приманить душу назад. Вот и Месяц скоро начал потягиваться и тереть глаза, оживая:

– Как же крепко спал я, Денница! Ой, а что мне приснилось – будто я не в небе, будто бреду в снегу по колено, среди каких-то острых камней... Да куда ты?

Утренняя Звезда вдруг горько заплакала и кинулась из дому. Хотел Месяц бежать вслед за невестой, но Сварог, Отец-Бог, его удержал:

– Ещё бы долго ты спал, молодец, если бы не её любовь к тебе, недостойному. Припомни-ка, что было с тобою, с кем весёлые пиры пировал! Ты умер, а не заснул, потому что мои сыновья тебя наказали. И умер во зле, и твоя душа отправилась уже зимовать в Исподней Стране, не умея взлететь. Так и с другими будет отныне, кто платит злом за добро!

...Одни говорят, Денница и Месяц до сих пор всё в ссоре, но другим кажется, что они помирились – и то, бывают же они вместе на небосклоне. Правда, Месяц так и не смог отмыть с лица пятен, причинённых грязным покрывалом Мораны и её поцелуями. Он теперь далеко не столь яркий и ясный, как прежде, и вид у него, если хорошо приглядеться, испуганный и печальный. Но главное – с тех самых пор начал он, раскроенный секирой Перуна, уменьшаться на небосводе и совсем пропадать, потом снова расти. Так отозвалась ему давняя измена, давний сором. Люди верят, что истончившийся, старый Месяц надеется умереть и снова родиться – чистым, как прежде, обрести полноту лика и не терять её больше. Но не может. Вот почему про начавший убывать Месяц так и говорят – перекрой. Вот почему новорожденное дитя непременно показывают растущему Месяцу, чтобы справно росло, и новый дом начинают строить при молодом Месяце, а не при ветхом, когда видно, что его надежда опять не сбылась. А вот лес для постройки рубить лучше всего в новолуние, чтобы не велась гниль, чтобы не ел его червь.

...Злая Морана и незаконный Чернобог ещё немало времени хоронились во мраке сырых пещер, не смея высунуться на свет, сбросить змеиные чешуи. Поняли, что светлые Боги умеют быть грозными, умеют наказывать.

А Перуну, уже созывавшему гостей на желанный свадебный пир с молодой Богиней Весны, пришлось надолго всё отложить. Ведь он залил кровью священную золотую секиру, осквернил, оскорбил её видом Землю и Небо. Оставил Перун замаранную колесницу, выпряг крылатых коней, пешком пришёл в кузницу Кия, давнего друга. И целый год махал молотом, не разговаривая почти ни с кем, не вкушая общей еды. Вот так пришлось ему очищать себя от скверны убийства, хоть Месяц и возвратился к живым. Смерть получает власть над про-

лившими кровь, хотя бы даже свою. Подле них истончается грань между мирами умерших и живых, клубится невидимый водоворот – затянет, если не оберечься! Вот почему боязливые дети со всех ног разбегаются от поранившегося в игре и только твердят – мы не видели, не знаем, мы тут ни при чём. И воины, вернувшиеся из похода, подолгу не смеют сесть в доме за стол, обнять жён, пойти в святилище молиться Богам. Убивший – нечист. Он висит между мирами, и нужно много омовений в бане и долгий пост, прежде чем живые смогут опять считать его своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.